

Валентина Кашкова

Размышления о книге В. Писигина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»

Писать о книге, в которой на нескольких страницах встречается твое имя, нелегко. Но книга так необычна и близка мне по сути своей, что не поделиться своими мыслями с дорогими моему сердцу новоторами (*так издревна называют жителей Торжка*) я просто не могу.

Главные её герои – Дорога и Время, а в том Времени есть МЫ, живущие на магистральной оси России, бывшей «государевой», почтовой, в недавнем прошлом орденоносной автомагистрали между двух столиц – пульсирующих точек огромного целого.

Знаю я Московско-Петербургский тракт от начала до конца: в свое время почти десять лет собирала материал для своей книги о путешествиях А.С.Пушкина по этой столбовой дороге России. И вдруг жизнь сводит меня с Валерием Писигиным и его удивительным замыслом – проехать по старому почтовому тракту «вместе» с А.Н.Радищевым и А.С.Пушкиным, держа на коленях две книги: «Путешествие из Петербурга в Москву» первого и «Путешествие из Москвы в Петербург» второго. Читать их, сопоставлять, смотреть, думать, встречаться с людьми и обстоятельствами – одним словом, пожить на этой большой Дороге, а потом написать книгу. Автор будущей книги, как я поняла при первом знакомстве, хотел оглянуться назад и в то же время понять, что же нас ждет впереди, – сверить часы беспристрастного Времени...

Прошло семь месяцев – и книга уже лежала передо мной. На обложке – придорожный осенний пейзаж с указателем «Раёк-3». Заглавие классически просто и, на первый взгляд, рискованно: «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»...

Когда читаешь книгу Писигина, то кажется, что все время находишься в толпе, хотя автор подчеркивает мысль о безлюдности мест – то раннее утро, то поздний вечер, то просто быть тут некому по причине тихого, скорбного умирания многих сел и деревень.

Читая, я невольно слышала какой-то неуправляемый хор голосов – эхо, наверное, тех разговоров, которые вел путешествующий автор со случайно

встреченными и в деревнях, и в городах. Но действительно ли они были случайными на его пути? Неужели он просто потом всё «сгреб» в кучу и выплеснул на страницы книги, шаг за шагом, как шёл, и из случайных мазков сам по себе получился портрет Времени, у которого такое неуловимое, такое бесформенное и даже страшное лицо? Только со второго захода я поняла, как сложна, тщательно обдумана архитектоника книги, как строен её внутренний план.

Случай, бог-изобретатель, – лишь внешнее проявление композиции, видимая «сцепка» событий. В основе книги лежит predetermined закономерность: еще выезжая из Москвы, автор, думаю, знал, ЧТО он увидит. Внутренним взором он должен был видеть это еще за письменным столом. Большой незаурядный жизненный опыт публициста и политика подготовили его к восприятию потока жизни в вечно меняющемся русле Дороги, которая была как бы срезом ЖИЗНИ во всех её проявлениях. Конечно, автор знал, КАК и ГДЕ он будет искать случай, вернее, внешнее проявление его. Единственное, пожалуй, чего он не знал, так это – в КАКИХ формах, с КАКИМИ нюансами, в КАКОМ антураже предстанет этот «Господин Случай». Последнее стало самым интересным. Десятки судеб проходят перед автором и читателями: пенсионеры, едва сводящие концы с концами; энергичные директора школ и заведующие больницами; библиотекари – живые души сельского прогресса, хранители истории сел и деревень; учителя, сеющие доброе, вечное, а чаще – просто люди, сбившиеся с круга, латающие свою жизнь, как прохудившуюся одежку, – обыватели, как сказали бы о них во времена А.С.Пушкина.

Тени великих классиков В.Писигин беспокоил нечасто, но зато по самым ключевым, важным вопросам. Это и понятно: современная действительность давала такой простор для «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», что резкие всплески гнева Радищева действительно стали казаться риторикой – «недугими», по выражению Пушкина, который тоже «беседовал» со своим предшественником.

Душа современного читателя, путешествующего вместе с В.Писигиным, содрогнется не от ужасов крепостного ПРАВА, а от жуткого, ставшего нормой БЕСПРАВИЯ, которому мы теперь дали название БЕСПРЕДЕЛ, «освятив» его безропотной покорностью у избирательных урн – жаловаться нам как будто бы и не на кого...

И люди живут – торгуют! – на привычной Дороге всем, что бог дал и что пошлет счастливый случай. Продадут ведро картошки или клюквы – и рады: день прожит не зря. Порой и другой товар идет в ход – страшный

рынок всё перемелет... Вот только одно непродажно – ДУША да СОВЕСТЬ, у кого она есть, в отличие от тех, кто потерял её где-то в длинных коридорах власти или, может, безвластия...

Встречи, встречи... – штрих за штрихом в беспощадной картине нашего Времени. Они не утомляют читателя, потому что их итогом становится умная, горькая – действенная! – публицистика, размышления автора, не ставящего себя над людьми. Он – один из них...

Что же становится предметами авторских размышлений?

Положение жителя на селе, где теперь ни колхозов, ни совхозов, а если они и есть, то горе одно. Разочарование фермеров – новых хозяев на селе, из-под ног которых выбивают почву. Проблемы малых российских городов, теряющих своё вековое лицо. Современное состояние армии, которую саму надо защищать. Трагические судьбы тех, кто оказался втянутым в чеченскую бойню. Бедственное состояние нашей культуры – Золушки государственного бюджета. Разрушение семейных устоев, когда трещина, обусловленная общественным состоянием нравственности, пролегла через сердце каждого... Жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло. И еще многое из того, что составляет нашу боль. И, быть может, самое главное из всего – это поиск основы, на которой можно построить спасительную обитель духа, выпестовать человеческую идею, ради которой стоит жить. Дорогу к этой обители (к Храму, где есть Высшее начало!) осилит идущий, только бы не стоять – не топтаться на месте...

Об этом и говорят с автором-путешественником те, кто живет на Дороге – их малой родине, где всё рушится, всё жаль до боли сердечной... Но не побежишь отсюда – здесь всё кровное, от пращуров, здесь рождались – здесь и выживать.

Глазом публициста В.Писигин проводит отбор собеседников – и почти не ошибается: наверное, отсюда и идет какая-то особая доверительность даже в сиюминутных разговорах. Человек ему интересен сам по себе, но особенно тот, кто еще жив духом, ищет дела, мыслит и страдает. Жизнь кончается, когда мы перестаем любить и страдать. Это не парадокс: страдание – одно из наивысших проявлений бытия духа. Страдаю – значит еще чего-то ХОЧУ, с чем-то НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ. Только вот страшно, когда народные страдания не хотят видеть те, кому мы вручили свои судьбы. Они и именуют нас холодным и чужим словом – «электорат»... А мы – живущие на главной дороге, где «так густо замешана отечественная история», – одна большая семья, хотя географически можем быть отдалены друг от друга на 500 верст. У нас одна судьба, одна история.

Но с историей у автора прелюбопытные отношения. И порой долго размышляют над этим читатели.

В.Писигин не ставит перед собой цель – писать путеводитель. Мера исторической (справочной!) содержательности сознательно predetermined: она есть мера наших исторических представлений о месте, где мы живем. И порой оказывается, что мы «ленивы и нелюбопытны», говоря словами А.С.Пушкина. Не потому ли так любим Великую императрицу и от нее танцуем – как от печки – в наших легендах и домыслах?! Она у нас и названия дает городам и весям, и дворцы строит там и тут, казнит, милует и капризничает со значением – глядь! Каприз-то на века!

Исторический фон в «Путешествии» – только фон, и автор редко позволяет ему доминировать: это будет только там, где История – действующее лицо, как, например, в главе «Новгород». Хотите узнать, что? где? когда? – берите другие книги. У Писигина будет Почему? И Зачем?

23 главы в книге – это ступени познания мира и нашего бытия, двадцать три круга... нет, не ада, но часто преддверия его. Чем и как, а может быть, и зачем живут люди в центре страны – не в тундре, не в дебрях – в сердце России, под крылышком двух столиц, рядом с сильными мира сего? Знают ли они? Ведь по «государевой» дороге они не ездят – да и государя ныне нет (впрочем, в царственные тоги многие уже пробовали рядиться, да тяжела ты, шапка Мономаха!), так что теперь они из окна кареты подданных не видят...

«Путешествие» В.Писигина – это меньше всего путевые заметки. Заметки предполагают, как показывает опыт, мимолетный, скользящий, иногда просто любопытствующий взгляд. Здесь же МЫСЛИ В ПУТИ, поиск, исследование, анализ своего века, разговор с «героями нашего времени» – читатель получает объективную истину из их уст...

Пересказать книгу невозможно. Как перескажешь медленное, поступательное продвижение в глубь Отечества нашего? Как перескажешь диалоги-размышления, живопись словом, тончайшие оттенки интонаций, акцентов, делающих «музыку» человеческих откровений? Заметим: в орбите этих размышлений «душ мертвых» нет. Все, даже лишенные всех благ существования, уставшие, – не трава, которая безучастно растет на ветру истории: они мыслят здраво, саркастически прицельно, они способны не только на горестное сетование или злость, но и на поиск выхода из бедственного положения, на беззлобную усмешку или самоиронию.

Чего стоят два мужичка в главе «Крестцы»? Они продают на доллары(!) старинную прялку. Всё идет с молотка! Ведь эта прялка обряжала

не одно поколение больших и маленьких. Когда-то такая колесная штука была мерой достатка в крестьянском доме. А теперь её «для интерьера» купил горожанин – так, прихоти ради. Вещь потеряла свою душу, хозяйскую надобность. Кажется, все в этом эпизоде прошло так весело – хохочут мужичонки, вспомнив к слову свою деловую докторшу, недавнюю их начальницу, когда-то, видно, испытавшую на одном из них силу лекарственной власти! Но автор знает, что неторопливый читатель его поймет: идет невеселое «расхожывание», утрата того, что было частью Дома, частью его души, собственностью, цена которой – жизнь...

Страшным огнем горят церкви, разваливаются избы, без окон и дверей стоят вчерашние фермы, чертополохом равнодушия и бесхозяйственности зарастает земля-кормилица... Но страшнее всего этот «чертополох» в наших душах, ставших бесплодными, не способными родить мысль во спасение, обрести дело. Трудовая Россия исчезает на наших глазах! – слышится голос десятков свидетельствующих на суде Времени, где нет защитников. Это должны понять все: и те, кто бумажно трудится над реформами, и те, кто вкусил плоды скороспелых «обновлений», оборачивающихся если не бедой, то развалом. Нет бани в большом селе, закрыты кинотеатры, не слышат ребячьих голосов детские сады, редко кто из жителей – настоящих тружеников – строит себе дом (а как мечтает о нём девочка Наташа из села Едрово!), нет работы молодым и здоровым. Подумать только: ведь на этой дороге двести лет назад Радищев плакал над крестьянской долей – рабской жизнью без роздыха от работы! А теперь работы нет там, где её непочатый край! Какие жуткие парадоксы! Но мы к ним **привыкаем!**

Да, всё неладно в нашем «королевстве» – «порвалась связь времен»!.. Россия во мгле... НОВО ли это? И надо ли было писать еще одну книгу о нашей общей беде?

Если бы Валерий Писигин в этой мгле не увидел живых, немеркнущих огней – не надо. Но в книге есть отрадное (как ему умеет радоваться путешественник!): лечит людей, строит вокруг себя мир божий заведующая детской больницей в Городне; пишет историю села библиотекарь из Зайцева; ищет спасение в работе директор школы из Выдропужска; находят в себе силы обустроить жизнь сельские старосты на новгородской земле; поёт с детьми, множит красоту в мире милая сельская учительница в Яжелбицах, взвалившая на свои плечи груз административных работ, и еще десятки тех, кто творит вокруг себя свою маленькую трудовую страну...

Российские женщины... Матери, жены, хозяйки, кормилицы, любимые и любящие...

– Могли бы ведь с ними и не встретиться, проехать мимо, – скажет кто-то.

Нет, не могли, потому что они – наша Вечность, наше спасение, оплот малого и большого Дома.

Жива Россия, хотя и больна. Кто её вылечит? «Бог, царь или герой»? Кого ждете, кого впустите в свою душу – тот и поможет вам... Но скорей всего – поможем себе мы сами. Помните, у Л.Н.Толстого в «Войне и мире», перед Бородинским сражением, мужики-ополченцы говорят Пьеру: «Всем миром навалиться хотят...»? Нам бы только этот МИР собрать да выстоять... Книга В.Писигина помогает очнуться, идти к Миру, где каждый, песчинка малая, нужен в океане Вечности.

Злая или добрая книга – это «Путешествие»? Кто-то говорит: злая! А я скажу – добрая. Потому что пишет Валерий Писигин, чтобы помочь нам прозреть, обрести Бога, оглянуться окрест, протянуть руку помощи ближнему, коль у государства (у власти!) нет доброй руки, нет закона, который бы защитил самого слабого в его тихой и совестливой любви, в неумении «с волками жить». Он хочет, чтобы мы встали с колен и соединились в творящее, разумное целое, чтобы у нас хватило сил и желания спасти КРАСОТУ земли, души нашей и свободной мысли – ведь с них начинается отечество. Не будет этого – не будет нас, не будет будущего...

Есть в главе «Новгород» удивительный эпизод. Путешественник приложил ухо к стене храма в Кремле и «услышал глухой, протяжный, далекий, идущий откуда-то снизу гул...» Гудела, словно колокол, Вечность – в добре и зле, в вере и безверии, в отчаянии и надежде. Гудит, гудит колокол – бессонный страж в ночи духовного разобщения. Слушайте, люди добрые: никогда не закончится Великое НАД нами! – словно будит нас книга, выводит из равнодушного забвения.

«Что можно было противопоставить абсолютному, бесчеловечному произволу *сверху* и дикому покорству, в сочетании с безумной ненавистью *снизу*? Смелость Радищева? Любовь Пушкина? Правду Достоевского? Совесть Сахарова?.. Это не ими ли отзывается печальное эхо вичевого колокола?»

Это голос автора, звучащий почти с последних страниц книги. Мы подошли к концу, хотя это не конец путешествия во времени и пространстве. Кто следующий пойдет по этому пути самопознания? Пойдет, так же страдая и радуясь, изливая гнев и зорко оглядываясь в наше **сегодня**, как это сделал Валерий Писигин? Кто? Может быть, он уже собирает свою котомку – и в путь к самому себе?..

*Светлой памяти
моих бабушки и дедушки*

«Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, La gloire du nom francais*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*.

Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности?

Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о “святой Руси”.

Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный».

В.С.Соловьев